

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ТИРЫ В ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД И О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ОКРУЖАЮЩИМИ ВАРВАРАМИ

Самойлова Т. (Одесса, Украина)

Характер взаимоотношений античных центров Причерноморья и окружающего их варварского населения остается до конца не выясненным, хотя именно он определял в значительной степени путь развития эллинских центров северной части Причерноморья. Еще менее изученным является вопрос о присутствии варварского населения в самих античных центрах. Естественно, что местоположение эллинских центров Причерноморья, их связи с другими античными городами и крупными государственными объединениями, да и сами размеры того или иного полиса, могли в определенной степени корректировать взаимоотношения варварского и античного компонентов в жизни различных эллинских центров. Письменных источников, которые можно было бы привлечь к решению этой проблемы вообще крайне мало, а для Тиры их нет вообще. Отсутствует и такой важный компонент в определении этнического состава населенного пункта как некрополь. Он полностью разрушен в результате жизнедеятельности людей в средние века и новое время. Тем не менее, как мы попытаемся показать далее, присутствие варваров в самом городе не только предполагаемо, но и вполне реально.

В литературе устоялось мнение, подтвержденное многочисленными археологическими данными, что в период освоения Нижнего Поднестровья постоянного населения, ни кочевого, ни земледельческого здесь не было (Карышковский, Клейман 1985, 39; Самойлова 2000), хотя известны ранние скифские воинские погребения в степи (Мелюкова 1979, 145). Кроме того, исследователями неоднократно отмечалось, что в эллинские колонии Поднестровья уже на первом этапе их существования проникают варварские элементы (Марченко 1979; Мелюкова 1979, 142; Самойлова 2000). Наличие выходцев из варварской среды фиксируются в более изученных по сравнению с Тирой Ольвией и Иstriей (Крыжицкий, Русева, Крапивина, Лейпунская и др. 1999, 393 и сл.). Правда, влияние варварской культуры в этих центрах почти не прослеживается, хотя носители ее проживали в них на протяжении всего доримского периода.

Для этого времени, следуя описаниям древних авторов, в непосредственной близости от Нижнего Поднестровья и греческих колоний, там расположенных, можно разместить ряд варварских племен: асиаков, агафирсов, иstriан, которых считают одним из северных гето-фракийских племен (Карышковский, Клейман 1985, 40). Кроме того, здесь эпизодически появлялись отдельные скифские кочевые контингенты, проникавшие на запад. Естественно контакты с этими племенами были установлены сразу с момента основания греческих колоний в регионе.

В этой связи большую роль для определения этнической характеристики населения Тиры играют предметы материальной культуры и в частности керамический комплекс. Мы придерживаемся той точки зрения, что в определенных условиях наличие керамики, носящей этнические признаки, отражает присутствие в данной местности или центре соответствующего этноса.

В позднеэллинистический период Тира оказывается в довольно уязвимом положении как в связи с затяжным экономическим кризисом, вызванным в определенной степени изменениями климата в сторону аридизации (Полин 1992, 105-106; Бруяко 1999, 36), так и по причине активизации варваров в степной зоне Причерноморья и на территориях к ней прилегающих. Одним из свидетельств этого кризиса является надпись на постаменте памятника в честь одного из граждан Тиры Автокла сына Ойни(ада?), датируемая концом первой четверти 3 в. до н.э. В надписи речь идет о вынужденном оставлении гражданами Никония своего города и переселения в Тиру и последующем их возвращении в родные дома (Виноградов 1999). В связи с этими событиями было предпринято посольство Автокла, которому удалось получить у истиран в дар зерно, необходимое для пропитания никонийцев по возвращении их в Никоний. При прочтении этого декрета возникает ощущение достаточной нестабильности в Нижнем Поднестровье, так как жители Никония должны были покинуть свои дома в результате какого-то катастрофического обстоятельства, которым могли быть и военные действия (Виноградов 1999, 58, 67). Здесь же следует вспомнить и тот факт, что сельские поселения Днестровского лимана прекращают свое существование ко второй четверти 3 в. до н.э. (Ранее мы полагали, что сельские поселения правого берега Тираса прекратили свое существование в более позднее время (Самойлова 1991, ср. Самойлова 1988, с. 100). Кроме того, в декрете употреблено слово “спасать” по отношению к дару истиран, т.е. Автокл доставляя подаренное зерно по суше его “спас”, вероятно, при возможном нападении варваров (Виноградов 1999, 60). Все это рисует обстановку в регионе как очень не стабильную. Другое важное обстоятельство, которое явствует из текста декрета заключается в том, что Тира оказывается не в состоянии предоставить нужное количество хлеба для повторного заселения (синойкизма) Никония и вынуждена послать посольство в Истрию, которая этот хлеб подарила. Таким образом, экономическое положение Тиры так же было далеко от благополучия. Действительно, археологические материалы того времени показывают снижение интенсивности внешней торговли, в частности с Родосом, но она еще носит достаточно оживленный характер (Самойлова 1981).

Одним из наиболее активных государственных образований варваров этого времени была Малая Скифия, образовавшаяся в прибрежной зоне Добруджи в результате проникновения скифов за Дунай и их исчезновения из степной зоны Северного Причерноморья в результате глубокого внутреннего кризиса и натиска сармат. Скифы проживали к югу от Дуная в окружении фракийских племен гетов, кробизов, трибаллов, а так же племен бастарнов,

кельтов, бритолагов, обитавших, по утверждениям древних авторов, в Добрудже и по Дунаю (Ps.-Scym., v. 750-766, 797; Plin., IV, 44; Strabo., VII, 3, 15). Северной границей этого образования ряд исследователей считают Дунай (ср. Андрух 1995, 98, 103), т.е. оно находилось вблизи от Днестро-Дунайского междуречья и Тиры. ТERRITORIЯ Днестро-Дунайского междуречья, называемая Страбоном “пустыней гетов” (VII, 3, 14; VII, 3, 17) не входила в состав Малой Скифии, да и политически, вероятнее всего не зависела от царей Малой Скифии, о чем в частности говорит и термин “гетская”. О контактах Малой Скифии и Тиры свидетельствуют и находки монет скифских династов, обнаруженные при раскопках этого античного центра (Андрух 1995, 137).

Одновременно в среднем течении Тираса во второй половине 3-начале 2 вв до н.э. сосредотачивается значительное кочевое население, оставившее значительный массив погребальных памятников. Это поздняя по хронологии часть Тираспольской группы курганов (Четвериков 2004, 282). Население, оставившее эти памятники относятся исследователями к скифскому кочевому миру (Редина 2000).^{*} Нам представляется, что это население является частью кочевых скифских племен, которые находились в Северо-Западном Причерноморье, и в частности в Подунавье. Генетическая связь между памятниками кочевников в Подунавье и Тираспольской группой прослеживается достаточно рельефно (Редина 2000, 28-30; Глебов 2004, 74-77). Часть скифов из Буджакской степи могла продвинуться в Добруджу, а часть уйти вверх по Днестру, в район современного г. Тирасполя. В этом же регионе было обнаружено и поселение эллинистического времени, давшее большое число фрагментов античной керамики и в частности клейм Фасоса, Синопы, Родоса (Щербакова 1994; 2004). Оно могло представлять собой торговую факторию, тесно связанную, скорее всего, с Тирой, откуда и поступали по Днестру товары из античных центров, в том числе вино и оливковое масло.

В середине 3 в. до н.э. активизируются фракийские племена, обитавшие в Добрудже и в частности геты. Так, они под руководством вождя Залмодегика энергично действуют в районе Истрии, нанося ей значительный ущерб (Карышковский 1971, 40), а около 200 г. до н.э. под предводительством царя Золта нападают на ту же Истрию и другие греческие города. Эти военные действия находят свое отражение в истриском декрете в честь Агафокла (Карышковский 1971). В этот период известен еще один исторический персонаж, участвовавший в событиях описываемых декретом в честь Агафокла – царь Ремакс, к которому за помощью обращаются граждане Истрии (Lambrino 1960). Этническая принадлежность царя и его народа окончательно не установлена. Ряд специалистов относят его к скифским царям (Russu 1967, 133). В последнее время эта точка зрения получила нового приверженца (Андрух 2004, 107, 109). Причем делается неубедительная на

* Существуют и иные хронологические и этнические интерпретации населения, оставившего Тираспольскую группу курганов. Иногда их датируют 2-1 вв. до н.э. (Андрух 1995, 83; Полин 1992, 45-49; Дзиговский 2003, 25 и сл.)

наш взгляд попытка поместить его ставку в нижнем течении Днестра и привязать к ней Тираспольскую курганныную группу. Представляется в этой связи более аргументированной позиция, которой придерживался П.О.Карышковский, локализовавший земли Ремакса на левом берегу Дуная и не связывавший царя со скифами. Исследователь склонялся к тому, что Ремакс возглавлял кельтов-бритолагов, но никак не скифов (Карышковский 1971, 43-45, 55) и размещался в достаточной близости от Истрии. Действительно, чересчур длительным представляется путешествие Агафокла на корабле в район Тирасполя и очень проблематичным является оказание спешной военной помощи Истрии.

В сложной внешнеполитической ситуации в этот период оказывается и другая соседка Тиры – Ольвия, о чем говорят хорошо известные ольвийские декреты в честь Антестерия и Протогена (Виноградов 1984; Крыжицкий, Русеева, Крапивина, Лейпунская и др. 1999, 222-223). Ольвии угрожали с запада галаты и скиры, а так же саи, двигавшиеся с востока, и вопрос об этнической принадлежности которых пока не решен окончательно (Дзиговский 2003, 7; Щукин 1994, 97; ср. Карышковский, Клейман, 1985, 70; Симоненко 1994, 33). Несомненно, что и Тира находилась в аналогичной ситуации. Ей угрожали варвары как с востока, так и с запада, она, так же как и Ольвия, потеряла свою хору в виде системы поселений и переживала экономический кризис.

В это же время на севере Добруджи появляется воинственное племя кельтов-бритолагов, упомянутое выше в связи с царем Ремаксом. Кельты берут под контроль переправу через Дунай в районе Новиодуна (Карышковский 1971, 53-55; Мачинский 1973, 54). Реальную угрозу для греческих городов Западного Причерноморья начинают представлять и бастарны (Блаватская 1952, 154-156). Псевдо-Скими называет их пришельцами (*Ps.-Scumpr.*, 797) и помещает их в низовьях Дуная. Страбон кроме того указывает, что часть их занимает остров Певку в дельте этой реки и получает название певкинов (*Strabo.*, VII, 3, 15). Первоначально их интересы были направлены в юго-западном направлении, но затем в период появления на северо-Pontийской арене владыки Pontийского царства они стали представлять несомненную угрозу греческим городам региона. Продвижение бастарнов к низовьям Дуная находится в связи с активностью галатов и скиров, представлявших угрозу для Ольвии, что и было зафиксировано в декрете в честь Протогена. (Мы не касаемся собственно этнической принадлежности как бастарнов, так и галатов, так как этому посвящена достаточно солидная литература, а лишь принимаем во внимание их продвижение в интересующий нас регион). Таким образом, Тира оказывается на путях варварских потоков, двигавшихся в направлении Понта и на восток. Несомненно, что та опасность, которая угрожала Ольвии, могла угрожать и Тире. Слабыми свидетельствами этих бурных лет могут служить и некоторые находки в Тире или ее окрестностях. Так, при раскопках тирского городища были найдены обломки стеклянных браслетов с кельтской орнаментацией, изображение воина с кельтским щитом типа “туреос” на мраморном рельфе, бронзовый шлем типа Монтефортино (2 в. до н.э.) в окрестностях Тиры (Бруяко, Росохацкий 1993).

Следует отметить, что кризис, который поразил Тиру как и другие греческие города Северного и Северо-Западного Причерноморья, в определенные периоды сменялся некоторым улучшением экономического положения полиса. Об этом свидетельствуют две эмиссии золотых статеров в третьей четверти 3 в. до н.э. и в третьем десятилетии 2 в. до н.э. (Карышковский, Клейман 1985, 76). Первый период улучшения экономического положения, датируемый в соответствии с нумизматическими данными и материалами керамической эпиграфики, демонстрирующими значительную торговую активность Тиры может датироваться второй половиной 3 в. до н.э. Именно к этому периоду относятся многие из амфорных клейм, найденных на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье (Щербакова, Таши 2004). Последнее расположено в непосредственной близости от Тираспольской курганной группы. Эти находки свидетельствуют о достаточно большой торговой активности Тиры, направленной вверх по Днестру, где контрагентом греков было население, оставившее Тираспольскую курганную группу. Следующее улучшение экономической ситуации в Тире совпадает с и деятельностью в Причерноморье pontийских царей и относится уже ко второй четверти 2 в. до н.э. Аналогичную картину можно наблюдать и в Ольвии, где так же прослеживается экономическая стабилизация, которую так же связывают с политикой pontийского царя (Виноградов 1989, 229 и сл.). Поход полководца Митридата Евпатора Неоптолема против варваров (сарматов и бастарнов), угрожавшим греческим городам Северного и Северо-Западного Понта, улучшил общеполитическую ситуацию в регионе и обезопасил жизнь эллинов. К этому же вело и размещение pontийских гарнизонов в греческих городах Северо-Западного и Западного Причерноморья. Греческие города, терпящие удары со стороны варваров, а так же теснимые конкуренцией римских купцов и стоящие на грани утраты своей независимости видели в покровительстве pontийских царей положительную черту.

В этот период Тира продолжала иметь достаточно тесные экономические связи с фракийским миром. Прослойка варварского населения ко 2 в. до н.э. увеличивается, что подтверждается увеличением гетской керамики в керамическом комплексе Тиры, а так же находками монет фракийских династов. За последние годы раскопок их число выросло. В конце 2-начале 1 в. до н.э. Тира находилась в сфере влияния pontийских царей (Шелов 1962), а может быть, и непосредственно входила в состав их державы. Это тем более вероятно, что тирские монеты этого периода носят следы влияния монетного дела Понта (Карышковский, Клейман 1985, 79-80).

Не лишним будет вспомнить надпись из Ольвии в честь амисенского кибернета, состоявшего на службе у pontийского царя, который свидетельствует как о наличии митридатовского гарнизона в Ольвии, так и о тесных контактах Северо-Западного Причерноморья с собственно Pontийским государством. Это же подтверждают находки двух надгробий из этого же центра, где зафиксировано присутствие фракийских воинов в составе митридатовского гарнизона (Виноградов 1989, 252-254). Имела

союзные отношения с Митридатом и Аполлония (Виноградов 1989, 258). Таким образом, античные города Северо-Западного и Западного Причерноморья в той или иной степени входили не только в сферу влияния pontийских царей, но и непосредственно в состав его державы. Представляется вполне логичным, что подобная ситуация имела место и в Тире, скорее всего здесь так же размещался митридатовский гарнизон и полис входил в состав pontийского государства.

В конце 2-начале 1 вв. до н.э. римляне начинают поступательное движение к Дунаю. После поражений, которые Митридат Евпатор понес от Лукулла, греческие города Западного Понта, включая Истрию, были подчинены римлянами. Существует точка зрения о том, что к 70 г. до н.э. Тира вышла из числа союзников Митридата (Карышковский, Клейман 1985, 80; Шелов 1983, 41, 55). Обстоятельства жизни Тиры в период конца 2-1 вв. до н.э. пока совершенно неясны. Археологическими исследованиями было установлено, что сам слой этого времени очень невелик и содержит очень небольшое количество строительных остатков. Это очень незначительные остатки строений, которые пока были выявлены только в западной части Центрального Раскопа. Вероятно, имело место сокращение территории города. Это тем более вероятно, что подвальные помещения позднеэллинистических комплексов, как открытые в 70-80 гг. прошлого века, так и выявленные в последние годы работы Белгород-Тирской экспедиции, прекратили свое существование еще до конца 2 в. до н.э., в крайнем случае, в самом начале 1 в. до н.э., т.е. задолго до похода Биребисты. А поверх них или сооружаются постройки уже римского времени или какие-то очень слабо сохранившиеся незначительные конструкции. Аналогичную картину мы наблюдаем и в Ольвии. В Нижнем городе не выявлен четкий слой 1 в. до н.э., так же как и на значительной территории Верхнего города. Подобного рода упадок связывают с жесткой позицией pontийских царей в отношении греческих городов в конце 2-первых десятилетиях 1 в. до н.э. (Виноградов 1989, 270) и переориентировкой политики на союз с варварскими племенными объединениями, что вызывает негативные настроения эллинов (Карышковский 1988, 106).

К 60 гг. 1 в. до н.э. над греческими городами Западного и Северо-Западного Понта нависла новая угроза: геты были объединены царем Буребистой, проводившим как видно из источников политику набегов на греческие города с целью грабежа (Златковская 1955). Походы гетского царя против эллинских городов по единодушному мнению исследователей, которых нет смысла здесь перечислять, заканчивались либо военным разгромом, либо подчинением подобно Дионисополя. Опорным документом для характеристики положения в Северо-Западном Причерноморье являлась речь Диона Хрисостома, в которой говорилось о повсеместном разгроме греческих городов от Аполлонии до Ольвии (Dio Chrys., XXXVI, 4). Тем не менее, в Ольвии археологические следы разгрома Биребисты пока не прослеживаются (Крыжицкий, Русева, Крапивина, Лейпунская и др. 1999, 229). До недавнего времени мы полагали, что и Тира не подверглась разгрому со стороны гетов, а подчинилась им под давлением обстоятельств.

В контексте взаимоотношений Тиры с варварскими племенами региона большое значение имеет исследование лепной керамики Тиры. Оно показало значительные его отличия от керамических комплексов других античных центров Северо-Западного Причерноморья (Гаврилюк 2004; Самойлова 2000). Несмотря на то, что Тира имеет облик и культуру, типичные для античных городов Причерноморья, при ее раскопках был выявлен значительно более высокий процент лепной варварской посуды по сравнению с другими городами Северо-Западного Причерноморья. Так, для слоев 2-1 вв. до н.э., выявленных в северной части Центрального Раскопа (расположен на прикрепостной площади, к юго-востоку от средневековой Аккерманской крепости) нами определено, что варварская керамика составляла 17% (Самойлова 2000, 82). По подсчетам Н.А. Гаврилюк в ряде помещений позднеэллинистического времени западной части Центрального Раскопа, он составляет 28,9 % (Гаврилюк 2004). Данные цифры не следует абсолютизировать, так как обследованию подверглась только сравнительно небольшая часть территории Тиры, а при археологических исследованиях 40-50-х гг. 20 в. не всегда был полный учет интересующей нас категории материала, поэтому подсчитать долю варварской керамики на этой части ЦР не представляется возможным. Тем не менее, не вызывает сомнение большой объем варварской керамики в керамическом комплексе Тиры. Основную часть лепной керамики составляют фрагменты и целые сосуды фракийского облика.

Расположение Тиры в непосредственной близости от мест обитания фракийских племен делает абсолютно логичным преобладание компонентов культуры именно этой этнической группы в керамическом лепном комплексе. Кроме того, в некоторых подвалах эллинистических домов, выявленных в северной части Центрального Раскопа и погибших во время пожара во 2 в. до н.э., под завалами черепицы, *in situ* были выявлены керамические комплексы, содержавшие целые формы фракийских сосудов, что на наш взгляд свидетельствует в пользу реального присутствия прослойки гетского населения в Тире. Этим полис на Днестре отличался от других городов Северо-Западного Понта.

В ходе раскопок 2003 года при исследовании позднеэллинистического слоя на участке, расположенном в западной части Центрального раскопа было выявлено помещение, погибшее в результате пожара. Следы горения, прослеживались и за его границами. Само помещение входило в систему эллинистического дома и относится к последнему строительному периоду этого дома, датируемому концом II-первой половиной I в. до н.э. Помещение наземное, хозяйственного назначения, на что указывает его небольшие размеры (6,24 кв. м) и характер заполнения, было сооружено над засыпью более раннего подвального помещения. Пока синхронных ему других помещений не выявлено. Внутри его в слое пожарища «*in situ*» найден комплекс керамики, состоявший почти полностью из гетских сосудов, что представляет значительный интерес, как в плане хронологии самого керамического комплекса, так и для характеристики этнического состава населения позднеэллинистической Тиры. Кроме гетских сосудов был найден

фрагмент оселка, несколько лощеных биконических и округлых керамических пряслиц, а кроме того в помещении были обнаружены 21 бронзовая монета, сконцентрированные в одном месте на полу помещения. Комплекс гетской керамики состоял из фрагментов различных сосудов: фруктовница и банковидные сосуды, миска, горшки, раздавленная биконическая корчага с вогнутым днищем, которая была заполнена обуглившимся зерном проса, два дна подобных корчаг, чаша-курильница и несколько обломков таких же сосудов, две крышки, а также миниатюрный дисковидный сосудик с бортиком.

Кроме гетской керамики в комплексе находилось два фрагментированных сосуда с чертами, присущими скифской керамике. Это сосуд скифоидного типа с ручкой и плоским утяжеленным дном, округло выпуклым туловом и отогнутым наружу плоско срезанным венчиком в виде невысокого раstrуба. Данный тип имел хождение с IV в. до н. э. вплоть до I в. н. э. Один из сосудов имел черты как гетских сосудов так и скифоидных. Этот экземпляр с округло выпуклым туловом с заметным сужением ко дну, выраженным невысоким горлом и отогнутым наружу венчиком с орнаментацией характерной для гетской керамики. Гетские сосуды комплекса находят себе аналогии в керамике памятников гето-дакийского облика и датируются нами концом 2-1 вв. до н.э. (Самойлова, Остапенко 2004).

Важную роль для хронологического определения комплекса имеют монеты найденные в слое пожара в помещении. Монеты все медные плохой сохранности. Основная масса принадлежитPontийской чеканке. Это тетрадрахмы, большая часть которых датируется 85-65 гг. до н.э. Остальная часть из-за плохой различимости изображений датируется более широко – 100-65 гг. до н.э. Для 8 монет этой группы можно определить центр – Амис, на остальных экземплярах легенда не видна, но можно предположить, что это мог быть так же Амис.*

Таким образом, данный комплекс несомненно можно связать со временем похода Буребисты. Он показывает, что накануне этого события в городе определенная часть населения имела гетское происхождение. Ее социальный статус пока не определим, но вряд ли они могли быть полноправными гражданами полиса. Тем более, что данные ономастики не дают никаких фактов, которые могли бы помочь в решении вопроса об этническом составе жителей Тиры. Все имена, встреченные в эпиграфических источниках Тиры доримского времени, за исключением одного (иранского происхождения) являются греческими. При доминировании античной культуры, заметного влияния духовной культуры варваров, проживавших в городе не ощущается, хотя некоторые следы и выявлены (Самойлова 2000а).

Одновременно в период, когда Тира ощущает все больший натиск со стороны гетских племен, она не прерывала связей и с Понтийским царством вплоть до похода гетов, о чем свидетельствует находка большого числа соответствующих монет в комплексе помещения. Тесные связи полиса с

* Мы выражаем благодарность С.А.Булатович за определение монет из комплекса.

гетским миром не уменьшил остроту варварской опасности. В связи с обнаружением явственных следов пожара в западной части раскопа можно предполагать и иное развитие событий в связи с походом Буребисты против греческих городов Западного и Северо-Западного Понта, чем то, что предполагалось ранее. Поход гетов в восточном направлении закончился для Тиры нападением и разгромом города. Окончательно же этот вопрос еще далек от разрешения. Сохранились связи с фракийским миром и после похода Биребисты, как это яствует из неоднократных находок монет фракийского царя Реметалка (Анохин, Пушкарев 1965, 195; Диамант 1982, 116-117).

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Андрух, С.И. 1995: *Нижнедунайская Скифия в VI-I вв. до н.э.*, Запорожье, 206 с.
- Андрух, С.И. 2004: *К вопросу о локализации царства Ремакса, Thracians and circumontic world*, Chișinău, c. 107-109.
- Анохин, В.А., Пушкарев, В.П. 1965: *Античные монеты из Тиры*, НиСФ, 2, с. 194-201.
- Блаватская, Т.В. 1952: *Западнопонтийские города в VII-I вв. до н.э.*, Москва, 264 с.
- Бруяко, И.В. 1999: *Очерки истории экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7-3 вв. до Р.Х.*, Волжск, 210 с.
- Бруяко, И.В., Росохацкий, А.А. 1993: *Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея*, ПАВ, 7.
- Виноградов, Ю.Г. 1984: *Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма*, ВДИ, 1, с. 51-80.
- Виноградов, Ю.Г. 1989: *Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование*, Москва, 284 с.
- Виноградов, Ю.Г. 1999: *Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный*, НЭ, XVI, с. 50-71.
- Гаврилюк, Н.А. 2004: *Лепная керамика Тиры, Тира-Белгород*, Одесса, (в печати).
- Глебов, В.П. 2004: *Тираспольская группа памятников Поднестровья – сарматы, сираки, скифы*, Старожитності степового Причорномор'я і Криму, Запоріжжя, с. 74-77.
- Дзиговский А.Н. 2003: *Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель*, Одесса, 239 с.
- Златковская, Т.Д. 1955: *Племенной союз гетов под руководством Биребисты*, ВДИ, 2, с. 73-91.
- Карышковский, П.О. 1971: *Истрия и ее соседи на рубеже III-I вв. до н.э.*, ВДИ, 2, с. 35-55.
- Карышковский, П.О. 1988: *Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху*, Киев, 167 с.
- Карышковский, П.О., Клейман, И.Б. 1985: *Древний город Тира*, Киев, 159 с.
- Крыжицкий, С.Д., Русслева, А.С., Крапивина, В.В., Лейпунская, Н.А., Скрыжинская, М.В., Анохин, В.А. 1999: *Ольвия античное государство в Северном Причерноморье*, Киев, 681 с.
- Марченко, К.К. 1979: *Взаимодействие греческих и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII-V вв. до н.э.*, Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья, Тбилиси, с. 130-138.
- Мачинский, Д.А. 1973: *Кельты в землях к востоку от Карпат*, АСГЭ, 15, с. 53-64.
- Мелюкова, А.И. 1979: *Скифия и фракийский мир*, Москва, 256 с.
- Полин, С.В. 1992: *От Скифии к Сарматии*, Киев, 201 с.
- Редина, Е.Ф. 2000: *К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских*

- памятников, Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья, Тирасполь, с. 28-30.
- Самойлова, Т.Л. 1981: Экономические связи Тира с античными городами в VI-I вв. до н.э., Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья, Киев, с. 51-63.
- Самойлова, Т.Л. 1988: *Tira в VI-I вв. до н.э.*, Киев, 123 с. + илл.
- Самойлова, Т.Л. 1991: *Tira и земледельческое население Днестро-Дунайского междуречья в VI-I вв. до н.э.*, Чтения памяти П.О. Карышковского, Одесса, с. 85-86.
- Самойлова, Т.Л. 2000: Этнокультурная ситуация в степной зоне Северо-Западного Причерноморья и основание греческих колоний, Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я, Одесса, с. 79-86.
- Самойлова, Т.Л. 2000а: Эллинское и варварское в духовном мире греков Нижнего Поднестровья в VI-I вв. до н.э., Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я, Одесса, с. 87-107.
- Самойлова, Т.Л., Остапенко, П.В. 2004: Комплекс гетской керамики из Тира, Тира-Белгород, Одесса, (в печати).
- Симоненко, О.В. 1994: Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї, Археологія, 1, с. 32-48.
- Четвериков, И.А. 2004: О хронологическом разделении Тираспольской группы, Старожитности стопового Причорномор'я і Криму, Запоріжжя, с. 279-285.
- Шелов, Д.Б. 1962: Тира и Митридат Евпатор, ВДИ, 2, с. 95-102.
- Шелов, Д.Б. 1983: Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор, ВДИ, 2, с. 48-58.
- Щербакова, Т.А. 1994: Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья, Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.), Тирасполь.
- Щербакова, Т.А., Тащи, Е.Ф. 2004: Родосские клейма сер. III-пер. пол. II вв. до н.э. на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье, Старожитности степового Причорномор'я і Криму, Запоріжжя, с. 288-290.
- Шукин, М.Б. 1994: На рубеже эр, С.-Петербург, 323 с.
- Lambrino, S. 1960: *Décret d'Histria en l'honneur d'Agathoclès*, RER, V-VI, p. 180-217.
- Russu, I.I. 1967: *Zolte și Rhemaxos. Tracii, sciții și Istria în sec. III-II i. e. n.*, Apulum, VI, p. 123-143.